

Т.В. ВИКТОРОВА

«Руководитель, друг, отец»: мать Мария (Скобцова) и прот. Сергей (Булгаков)

В заглавие вынесена первая строка из неопубликованного стихотворения монахини Марии Скобцовой, посвященного о. Сергию Булгакову, ее духовному отцу. Эти слова емко выражают ее отношение к человеку, с которым на протяжении нескольких лет жизни ее связывали тесные духовные узы, большая дружба и общие пути церковного творчества.

Их общение можно выстроить в диалог, доходящий иногда до полного согласия, — диалог духовного руководителя и духовной дочери, мысль которой также смела, дерзновенна, и привержена к истокам. Вместе с тем, в этом диалоге различим голос и личная харизматическая одаренность каждого, где отец Сергей достигает умоглядной глубины, а мать Мария, скорее, стремится к разрешению жизненных, практических вопросов христианства.

Приведу целиком стихотворение под названием — посвящением: «Отцу Сергию Булгакову»:

Руководитель, друг, отец,

Неужто и тебя терять навеки?

Какие огненные реки

Влекут туда, где дням конец?

Когда вернусь, куда? Бог весть.

О многолюдная трущоба,

Лишь здесь, где горечь, боль и злоба,

Мне надо знать — ты в мире есть.

Приемлю радость и беду

Я средь метелицы слепящей.

Отец и друг — руководящий,

Прощай и будь, — я в мглу иду.

Это стихотворение написано во время поездки матери Марии в Страсбург, где она бывала неоднократно, путешествуя по Франции в качестве разъездного секретаря РСХД в середине 20-х гг. — вплоть до миссионерских поездок после принятия пострига. Мать Мария любила эти разъезды по «русской географии Франции», как она окрестила места русского рассеяния, и в Страсбурге, где она обнаружила большой интерес к русской культуре, мать Мария видела обширное поле для деятельности, о чем не раз писала[1].

Этим объясняются ее возвращения в Страсбург, и во время одного из них, в марте 1939 г., она получила вест о болезни и предстоявшей операции отца Сергия[2]. Стихотворение, очевидно, написано сразу по получении известия — известно, что мать Мария, со свойственной ей порывистостью, выражала свои мысли тотчас, на ходу, на первом попавшемся листке бумаги. Об этом говорит и форма стиха — малообработанная, что надо признать едва ли не характерной чертой поэзии матери Марии, которая своих стихов не отделявала — но стремилась к выражению самой сути, внезапно открывавшейся ей... Это стихотворение — крик души, теряющей духовника и друга.

Можно представить себе ее, бродящей в отчаянии («Когда вернусь, куда? Бог весть»), по улицам и местам, уже описанным ею ранее, по «*многочисленным труппам*», к преображению которых она чувствует себя призванной[3].

Это путь, где в каждом встречном мать Мария пытается различить Божий лик — и обнаруживает его затуманенным и искаженным до такой степени, что у нее вырывается: «Господи, дай только искру света / А иначе ослепит нас мрак...»[4].

Таким ориентиром, светочем в этом мраке для нее был о. Сергий, к которому она взывает в стихотворении, посвященном о. Сергию:

Лишь здесь, где горечь, боль и злоба

Мне надо знать — ты в мире есть

Чтоб понять глубину ее горя — среди многих друзей и духовных чад о. Сергия — нужно вспомнить, какое место занимал о. Сергий в ее жизни, в ее мыслях и в ее творениях.

Их знакомство состоялось, вероятнее всего, уже в Париже, где они оказались в одной интеллектуальной и духовной среде. С середины 20-х гг. они часто мелькают рядом на фотографиях съездов РСХД, где оба читают доклады. Мать Мария (в то время — Елизавета Юрьевна Скобцова) нередко выступает еще и в роли секретаря о. Сергия (доклады которого появляются в «Вестнике РСХД» в ее изложении)[5].

Студенческие съезды Движения она описывает, как их участница, в газете «Дни». В этих живописных рассказах непременно присутствует образ отца Сергия. Так, о конференции в Клермон-Ферране летом 1926 г. она пишет: «...общая культурная и духовная насыщенность (съезда) была безмерно превзойдена в докладе о. Сергия Булгакова[6]. Трудно представить себе возможность словесного обозначения того мистического видения, которое ему присуще. И такое словесное обозначение возможно лишь при очень большом ведении тех, кто его слушал»[7].

Столь высокая оценка, однако, порой сопрягается и с критическими высказываниями: так, после годового Акта Богословского института в 1926 г., изложив в общих положениях речь профессора-протоиерея С.Н. Булгакова «Заветы св. Сергия русскому богословствованию», она заключает: «...И если в докладе Булгакова несколько пугает то, что он сам называет схоластическим подходом к богословию, то, несмотря на это, духовное напряжение и собранность духа все же преобладают»[8].

В других случаях она еще более строга. Описывая обсуждение доклада Бердяева «Теософия и христианство» (23 мая 1926 г.), она сообщает: «Самыми значительными были слова Бердяева и Булгакова <...> У Булгакова <...> рядом с точеными и определенными научными и философскими

понятиями, логически выводимыми из определенных предпосылок, в момент, когда он начинает оперировать с понятиями религиозными, начинаются одни утверждения...»[9].

И здесь нужно упомянуть про яркий полемический дар Елизаветы Юрьевны, — известны, например, ее горячие споры с Н. Бердяевым о рождении и творении, отчасти нашедшие отражение на страницах журнала «Путь»[10]. На съезде в Буасси, под Парижем, она выступила против одного докладчика, обвиняя его в «мудро и хитро-среднем равнодействующем выступлении». «Ему нельзя возразить, и это плохо», — сказала она о докладчике, которым был председатель РСХД В.В. Зеньковский[11]. Вокруг же ее выступлений мнения кипели самые разные...

Даже исповедь, как мы узнаем из ее дневника 1930 г., превращалась для нее в «единоборство» с о. Сергием[12]. Вместе с тем, судя по записным книжкам, с начала 30-х гг. можно говорить о все возрастающей их духовной связи. «Отец Сергей — мой духовный отец, я ему всем обязана. Через сто лет его будут почитать как отца Церкви», — делится она в это время с К.В. Мочульским[13].

Сложный духовный путь ведет Е.Ю. Скобцову к монашеству. Ее выбор поддерживался далеко не всеми ее близкими друзьями — так, Н.А. Бердяев полагал, что уставное монашество не соответствует ее «свободолюбивой бунтарской природе»[14], а Ф.Т. Пьянов (впоследствии — ближайший ее помощник), в виде протеста даже не пришел на постриг[15].

Окончательный выбор и решение созрело на исповедях у отца Сергия: стать монахиней, оставшись «в миру». Отголоски этих размышлений встречаются в сочинениях обоих. Так, активный характер творчества, о котором столь часто пишет о. Сергей, обосновывается матерью Марией как выбранный ею духовный путь в ее мистерии «Анна» (1938), где звучит тема монашества деятельного, направленного на творческое преображение мира:

Мы крест несем мирской на наших спинах,

Забрызганы монашеские рясы

Земною грязью, — в мире мы живем...[16]

И это звучит очень созвучно тому, что отец Сергей писал о «...расширении сердца в любви на все кресты человеческие», о возможности «через принятие креста выйти из замкнутости только личной судьбы... участвовать в несении всех крестов мира»[17]. Именно это последовательно претворялось матерью Марией в жизнь.

Вместе с тем, общежитие, основанное матерью Марией на ул. Лурмель, становится не только приютом, прибежищем для шатающихся, как называл его отец Сергей — «Шаталова пустынь»[18]. Лурмель быстро превращается в один из центров духовной и интеллектуальной жизни эмиграции, куда, в частности, перебирается с бульвара Монпарнас религиозно-философская академия, основанная Н.А. Бердяевым. В Лурмельской столовой отцом Сергием прочтено немало докладов на разнообразные темы. Например, сообщение в связи с его книгой «О чудесах евангельских», поднимающее вопрос «о человеческом делании в отношении к делам Христовым»[19], повлекло за собой целый цикл выступлений под общей темой «О чуде», в которых самое живое участие приняли о. Лев Жилле, о. Дмитрий Клепинин, мать Мария (с сообщением «О злом чуде»[20]). В парижском архиве матери Марии сохранилась фотография, сделанная во время одного из заседаний в лурмельской столовой, на которой можно видеть о. Сергия, читающего доклад, мать Марию, ее сына Юру, конспектирующего выступление о. Сергия, и многих других[21].

Идеи воспринимались, таким образом, живо и непосредственно из первых уст, — и среди черновиков матери Марии нередко встречаются записи докладов о. Сергия, с ее рисунками на полях. В записных книжках о. Сергия также имеются отметки о выступлениях матери Марии (напр., выписки из ее доклада «О монашестве», от 24 марта 1933)[22].

Оба любили письменно излагать свои мысли в диалогической форме (что, вероятно, восходит к любимого обоими Вл. Соловьеву, в частности, «Трем разговорам»). Известный пример в творчестве

о. Сергия Булгакова — диалоги «На пиру богов» (1918), позднее — «У стен Херсониса» (1922). Мать Мария, в свою очередь, для одного из лурмельских заседаний на тему о русской идее подготовила доклад (впоследствии — статью) в виде воображаемого спора мыслителей (среди которых — Чаадаев, Хомяков, Достоевский, Соловьев), — избежав тем самым сухого и конспективного изложения их взглядов.

Мать Мария принимала участие и в семинарах о. Сергия на квартире у Зандеров, в частности, в дискуссиях об аскетизме и «христианском творчестве, направленном на преображение мира, сретение Небесного града, сходящего с небес»[23]. Вопросы христианской культуры на семинарах рассматривались в свете «социальной проповеди христианства», что позволило матери Марии уже с середины 30-х гг. окончательно определить и свою линию работы в Движении, «при тесном сотрудничестве с РСХД» — но на несколько иных основаниях, «более самостоятельно и независимо». Центром этой работы становится социальное служение, что привело к созданию объединения с простым и выразительным названием: «Православное Дело», ибо «вера без дел мертва»[24]. Булгаков, наряду с Г. П. Федотовым, Н. А. Бердяевым и К. В. Мочульским, выступил одним из основателей нового объединения и поддерживал его духовно и идейно. Так, он выступил, в частности, автором статей в сборнике объединения, в предисловии к которому мать Мария от имени редакции писала: «В авторе группа *Православного Дела* чтит своего учителя и друга, внимательно относящегося к его работе и помогающего ему своими советами. Его имя для нас — живое воплощение той традиции социально-христианской мысли, в которой мы укоренены духовно»[25].

И эту укорененность в одной интеллектуальной, духовной традиции можно показать многообразно, в богословских и художественных параллелях и связях.

Так, непосредственный богословский диалог, разворачивающийся на лурмельских собраниях, подкрепляется характерными перегласовками в их статьях, написанных примерно в один период. И это далеко не всегда лишь очевидное влияние о. Сергия на мать Марию, ссылки на которого нередки в ее сочинениях. Во многом это сходство объяснимо попыткой решения единых проблем современности; скорее, это совместный путь, мышление в одном направлении.

Так, в связи с насущностью решения социального вопроса («Разрешить мою задачу или я тебя съем — говорит социальный Сфинкс современному Эдипу», — определяет ситуацию 30-х гг. о. Сергий), особое звучание обретает социальное истолкование христианской любви. «Христианская социология должна находить обоснование в евхаристическом богословии», — пишет о. Сергий; «лучи света Евхаристической чаши проникают через всю тьму нашей жизни, и тьма не может объять этого света»[26].

Для матери Марии также «Евхаристия есть таинство самоотдающейся любви <...>. Христос не только спасает мир своей жер твой, но делает каждого человека собою, Христом, т. е. приобщает его к своей самоотдающейся любви к миру»[27].

И венчают эти размышления, программные в рамках объединения «Православное Дело», мысли обоих о литургии, выходящей за пределы храма:

«Евхаристические вдохновения должны сопровождать нас во всем творчестве жизни, и литургия, общее дело, должна становиться внехрамовой литургией, общим делом не только в храме, но и вне храма» (о. Сергий)[28].

В размышлениях матери Марии ярко выступает дорогая для нее тема жертвенной любви к человеку: «Но если в центре церковной жизни стоит жертвенная, самоотдающаяся любовь Евхаристии, то где ее границы, где периферии этого центра? В этом смысле можно говорить о всем христианстве как о вечно совершаемой внехрамовой литургии <...> весь мир в этом смысле является единым престолом единого храма, и для этой вселенской Евхаристии, подобно хлебу и вину, мы должны приносить наши сердца, чтобы они преосуществлялись в Христову любовь...»[29]

Часто близость их мысли очевидна уже по названиям статей. Намечу лишь некоторые характерные темы: одна из доминирующих — осмысление смерти (статьи «Проблема «условного бессмертия»» (1936), «Радость креста» (1931) отца Сергия и «Рождение в смерть» (1938), «Страдание и крест» (1939) матери Марии). «Крест есть знак победы... крест есть радость», — лейтмотив этих статей.

Мысли отца Сергия о «творческом принятии креста», который становится внутренним законом жизни, находят в творчестве матери Марии многообразное преломление: «свободное взятие» креста становится ее личным путем («только мой свободный постриг / мертвых мне усыновляет»^[30]), отголоски чего слышны в ее поэзии, статьях, мистериях, явлены в ее иконографии.

Последний аспект достоин особого рассмотрения: мать Марию — иконописицу мало знают в России. В русле же нашей темы тем более важно, что ее иконографические изображения вдохновлены богословскими трудами отца Сергия.

Большинство икон матери Марии рождается из практической необходимости: при основании общежитий на улицах Вилла де Сакс, Лурмель, дома отдыха в Нуази ле Гранд, ее стараниями возводятся и церкви. Она же (с помощью с. Иоанны Рейтлингер и С.А. Раевской) и расписала эти церкви иконами, среди которых, — иконы по стеклу и иконы-вышивки.

Можно задать себе вопрос: где и когда она вышивала? (Известна непомерная занятость матери Марии). Фотоархивы подсказывают неожиданный ответ: вышивала на тех же съездах РСХД и семинарах, в т. ч., на семинарах о. Сергия Булгакова. (На фотографии ниже видно, как мать Мария вышивает «Царя Давида с житием». Ныне эта огромная, во всю стену вышивка-гобелен находится в монастыре св. Иоанна Крестителя в Мелдоне).

Можно сказать, прямо под доклады о. Сергия выполнена большая вышивка *София, Премудрость Божия*, которая ныне хранится в том же мелдоновском монастыре, в знак особого почитания, — в комнате о. Софрония.

Мать Мария вышивала и облачения, иные из них — изумительной по тонкости работы. В этих облачениях служил в лурмельской церкви и отец Сергий.

И здесь мы соприкасаемся еще с одним живым источником вдохновения матери Марии — это проповеди отца Сергия, которым она внимала непосредственно во время служб, и, позднее, способствовала их публикации. Так, в мае 1936 г. отец Сергий писал: «некоторые из друзей обратились ко мне с просьбой о разрешении издать в особом сборнике мои разрозненные слова...»^[31]. Им стал известный сборник проповедей «Радость церковная», изданный в 1938 г. при поддержке объединения «Православное Дело». Мать Мария была одним из этих друзей — инициаторов, приняв непосредственное участие в подготовке издания «слов»-свидетельств своего духовного отца, которым суждено было посеять немало плодов в ее собственном творчестве.

Эти проповеди дают своеобразное пояснение к некоторым иконам матери Марии, сюжеты которых «всегда были необычны», как вспоминает Т.П. Милютина^[32]. Она упоминает, в частности, икону-вышивку матери Марии «Страстное Благовещение» (на которой Архангел вместо лилии держит крест), написанную по случаю совпадения праздника Благовещения и Страстной Пятницы.

Отец Сергий, в проповеди под тем же названием, «Страстное Благовещение» (текст впервые опубликован в «Вестнике РСХД»^[33] в 1929 г. и несомненно хорошо известен Е.Ю. Скобцовой), указывает на глубинный смысл этого совпадения: «Само Благовещение содержит весть о кресте и тяжким крестом ложится на Саму Пречистую Деву, которая ныне отрекается от всего самоличного... Она приемлет орудие, пронзающее ее сердце... Крестный путь Сына и есть ее собственный, с Ним она сораспинается у креста Его. Радость Благовещения совершается через крест и в нем находит свое основание». Одновременно из проповеди узнаем, что и в иконографии этот сюжет не столь уж необычен: отец Сергий вспоминает об одном из древнерусских изводов иконы Благовещения, «поражающий смелостью вдохновенья. Архангел Гавриил является с крестом (восьмиконечным) к

Богоматери, держащей уже на руках Младенца». «Не есть ли это прямая икона и нынешнего праздника Кресто-Благовещения?» — вопрошает отец Сергей[34].

И, как ответ, мысли о сокровенной весте Благовещения ложатся в осмыслении Елизаветы Юрьевны киевским швом на ткань.

О том, как выглядела эта вышивка (к сожалению, до нас не дошедшая — либо еще не явившая себя), — мы можем судить по иконе сестры Иоанны Рейтлингер, с которой они работали совместно. Сестра Иоанна, тоже духовная дочь отца Сергия, стала монахиней в миру, следуя в этом матери Марии: «Пример матери Марии открывает возможности: оставаться на месте, постричься и заниматься своим искусством»[35].

Мать Марию и сестру Иоанну роднят схожие сюжеты, смелые иконографические решения, — и, главное, вдохновенье, черпаемое из одного источника — богословия о. Сергия Булгакова, который неоднократно — в статьях и проповедях — возвращается к мысли: «торжество Рождества Христова сливается для нас с радостью пасхальной воскресения Спасителя»[36].

Мысли о. Сергия о радости креста удивительно созвучны другой иконе-вышивке матери Марии, *Божья Матерь с распятым Младенцем*, родственное богословское обоснование которой мы можем обнаружить в статьях самой матери Марии.

Речь идет о последней работе матери Марии, выполненной в концлагере Равенсбрюк. Эта вышивка изображала Богоматерь, держащую Младенца Христа, уже распятого на кресте.

Этот пронзительный, кажущийся парадоксальным образ, по рассказам союзниц, — ее видение, ее предсмертное свидетельство «о распинаемом человечестве». Е. Новикова передает, что мать Мария, уже «отмеченная смертью», находила в себе силы для вышивания этой иконы, которой придавала большое значение, говоря, что выживет, если успеет ее закончить. Смерть наступила раньше, и вышивка исчезла в пепле.

Однако, по рассказам сомучениц матери Марии, которым удалось выйти живыми из концлагеря, сестра Иоанна Рейтлингер сделала прорисы[37], а Софья Александровна Раевская-Оцуп выполнила икону, которой можно и ныне поклониться в монастыре Знамения в горах центрального массива Франции[38].

Композиция этой иконы близка к иконографии *Божья Матерь Умиления*. Однако Богоматерь прижимает к себе не только младенца Иисуса, — но и Его крест, на котором Он уже распят.

Лучшее толкование этому мы можем найти в размышлениях самой матери Марии о восприятии образов Богоматери и Христа в православии и в ее личном опыте.

«Самое главное, — пишет мать Мария в статье «О подражании Богоматери» (откликаясь на работу отца Сергия с тем же названием), — почувствовать, что такое Голгофа Сына для Матери».

Крест Христа-Младенца на иконе «рассекает» также и Богоматерь («душу прошло крестное оружие»), они неотделимы. Это Голгофа Христа и Богоматери, со-распинаемой через со-страдание. В осмыслении отца Сергия и матери Марии, мысль которых развивается параллельно, вся тайна Богоматери заключается в этом соединении с судьбой Христа.

И «Вечна Голгофа Сына Человеческого, вечны Его крестные муки, вечны муки от оружия, пронзающего душу Матери», — знаки отмеченности крестом мать Мария повсеместно видит в 40-е гг. («человечество действительно возводится на Голгофу...»)[39]. Отец Сергий, почти одновременно, пишет: «Ныне весь мир восходит на крест, страх и изнеможение и недоумение охватывают души»[40]. И для обоих особенно значимым становится сострадательный, «Богоматеринский путь нашей души», разделяющий муки распинаемого.

Эта трагичная икона (Богоматерь уже знающая всю скорбь крестного пути, — Сына, свой собственный, каждого человека), вместе с тем в чем-то очень радостна, — ибо в ней есть уже весть о воскресении. Одновременно с крестным страданием это и радость креста (как и поет вся церковь на каждой воскресной утрени «се бо прииде крестом радость всему миру»), что с такой силой открылось о. Сергию и матери Марии, творчество которых пронизано этими настроениями наступления сроков, творческого, со-страдательного пути Богоматери.

Тема Апокалипсиса обретает особое звучание к концу 30-х гг. в связи с надвигающейся катастрофой, — что остро ощущается обоими и звучит в их статьях, (о. Сергей, «Размышления о войне» (1940); мать Мария, «Прозрение в войне» (ок. 1942)).

Некоторые параллели очень характерны:

Прот. Сергей Булгаков (1940 г.):

«В войне открываются человеку его глубины, как во всяком великом испытании. В особой интенсивности истории, которая свойственна эпохе войны, главный духовный плод есть то изменение, кот. совершается в душах человеческих. Оно ведомо лишь промыслу Божьему в его путях».

«...Посему в час испытаний да будут чресла наши препоясаны и светильники горящи. В нас да не дрогнет наша вера <...>. Напротив, новые исторические потрясения да ведут нас к новому постижению истины. Плод духовный, кот. рождается через них, есть новое явление Христа для нас <...>. Это есть возможный и желанный итог войны в ея софийности, которым имеет быть преодолена и упразднена ея звериность... Мы не смеем дерзновенно призывать трагедию, но еще менее мы можем ея отрицаться, когда она послана. То, что от нас требуется, это встретить трагические судьбы с софийной верой и достоинством»[\[41\]](#).

«После катаклизмов и пожаров войны лицо мира выходит измененным и в этом смысле обновленным <...> Вот и теперь становится оно иным, новым, незнаваемым»[\[42\]](#).

«...И тогда солнце не затмится, но взойдет в душах наших, и совершится то дело истории, которое хочет от нас Бог»[\[43\]](#).

Мать Мария (1942 г.):

«Есть в войне нечто, что заставляет не всех — но многих прислушаться, — и вдруг среди рева пушек, стрекотания пулеметов, стонов раненых — услышать иное, услышать далекую архангельскую предваряющую трубу».

«Есть в войне нечто, что в известном смысле может ее освятить, есть в войне нечто, что делает ее ступенью к преображению человеческой души».

«... это не значит, что ее можно хотеть. Но, раз она уже разразилась, ее надо использовать».

«...война есть для тысячи и тысячи людей открытые ворота в вечность... война есть призыв, война есть прозрение».

«Война подобна грозе. После нее может быть на земле какой- то новый, почти райский воздух».

«И, наконец, я знаю, всем своим существом знаю, всей своей верой, всей силою духа, данной человеческой душе, что в эту минуту Бог посещает свой мир»[\[44\]](#).

Некоторые параллели очень характерны:

Очевидно влияние на мать Марию о. Сергия Булгакова, в частности его размышлений о софийном смысле войны... При этом интересно отметить, что видение и оценка матери Марии еще более апокалиптически: если у о. Сергия война является испытанием человека (через которое он «пробивается» к Богу и открывает сам себя), то для матери Марии она становится откровением: в страшные для человека будни войны Бог посещает свой мир.

Эту перегласовку можно продолжить (например, проповеди о. Сергия «Русским воинам на день Рождества Христова», произнесенные в 1939 г., отсылают к «Письмам к солдатам» матери Марии, рассылаемым ею в первые дни войны), как перекликаются и их предсмертные апокалиптические произведения (мистерия «Семь чаш» (год издания —1942) матери Марии и книга «Апокалипсис Иоанна» (год издания —1944) о. Сергия), где оба пишут уже о радости видения преображенного мира...

Множество других примеров обнаруживают их духовное со-творчество и его неразрывную связь с их жизнью, что вновь возвращает нас к строкам стихотворения, цитируемого в начале, где мать Мария ставит имя о. Сергия в череду утрат самых близких и дорогих ей людей (среди которых — смерть своих двух дочерей, о чем скупо сказано в ее записях: «Теперь я знаю, что такое смерть...»^[45]).

Прощай и будь, — заключает мать Мария свои прощальные — и одновременно жизнеутверждающие строки, адресованные духовному отцу, который в это время сам отправлял прощальные письма своим близким и друзьям, записав в своем дневнике: «наиболее вероятным исходом является смерть, в благоприятном же случае — потеря голоса навсегда...»^[46].

Тем радостнее, два месяца спустя, мать Мария пишет ему уже на Подворье, ко дню его рукоположения, приветствуя его возвращение к жизни^[47]:

«Дорогой отец Сергей, мне хочется написать Вам только хоть два слова, чтобы Вы их получили в Духов День. У меня на Вас просто голод. Все время думаю о Вас. Когда-то можно будет Вас хоть на минутку повидать. Мне кажется, что за эти два месяца Вы так далеко и высоко ушли, что не хочется говорить о моем: все то же самое, и все мелкое.

(28 мая 1939 г.)

Ваша монахиня Мария»^[48].

Их общение, их живой диалог не прекращаются вплоть до ареста матери Марии в феврале 1943 г. Предсмертные слова матери Марии, донесенные до нас ее союзницами, адресованы владыке Евлогию и о. Сергию: «Мое состояние сейчас — это то, что у меня полная покорность к страданию: это то, что должно быть со мною и что если я умру, в этом я вижу благословение свыше. Самое тяжелое и о чем я жалею, что я оставила свою престарелую мать одну»^[49].

Отец Сергей умер на несколько месяцев раньше своей духовной дочери, сожженной в печах концлагеря Равенсбрюк в Страстную Пятницу 31 марта 1945 г.

«*Отец и друг — руководящий*» — возвращается мать Мария в конце стихотворения к своей начальной формуле, «*Прощай и будь — я в мглу иду*», и идет, в каком-то окончательном смысле, вслед за отцом Сергием — как и он, уже многократно пережив смерть и ею не страшась. Идет навстречу мученической гибели, предчувствованной в ее стихах с ранней юности как вступление «в крылатый мир», через преодоление мглы.

[1] «... Там очень стоит работать, всякая тема имеет всегда обеспеченную аудиторию самого разнообразного состава», — писала мать Мария о Страсбурге в цикле очерков «Русская география Франции». (Последние новости. 1932. № 4175. 27 августа.).

[2] Запись о. Сергия от 6 марта 1939 г., сделанная незадолго до операции: «Да будет воля Твоя. Сегодня глянула в лицо мне смерть, — от раковой опухоли голосовых связок или же операция тоже со смертельной опасностью или с неизбежной немотой. Я смиренно и покорно, даже спокойно принимаю волю Божию» (Булгаков Сергей, прот. Моя болезнь (января 1926) // Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки. Paris: YMCA-Press. 1991. С. 140–141. Сн. 1.).

[3] См., напр., одно из стихотворений того же цикла «Странствия»:

Мне голос ответил: «Трущобы, —

Людского безумья печать,

Великой любовью попробуй

До славы небесной поднять» (Мать Мария. Стихи. Берлин: Петрополис, 1937. С. 27).

[4] Мать Мария. Стихи. С. 36.

[5] Например, доклад о. Сергия «Развитие церковного самосознания», прочитанный на V съезде в Клермоне. Опубл. в: Вестник РСХД. 1927. № 12. С. 18–21.

[6] Имеется в виду доклад «Литургия как средоточие церковной жизни».

[7] Богомолье // Дни. 1926. № 1067. 30 июля. (Под псевд. Юрий Данилов).

[8] Акт Богословского ин-та // Дни. 1926. № 1037. 25 июня.

[9] Теософия и христианство // Дни. 1926. № 1013. 23 мая. (Под псевд. Дан. Юрьев).

[10] Скобцова Е. Рождение и творение // Путь. 1931. С. 35–47.

[11] По записям выступлений // Воспоминания Б.В. Плюханова (машиноп. арх.).

[12] Запись от 23 марта. Бунт (рукоп., арх.).

[13] Мочульский К.В. Монахиня Мария (Скобцова) // Третий час. Нью-Йорк. 1936. С. 65.

[14] Бердяев Н.А. Памяти монахини Марии // Вестник РСХД. 1965. № 78. С. 22.

[15] Об этом см.: Гаккель Сергей, прот. Мать Мария. Париж: YMCA-Press. 1992. С. 68.

[16] Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. Париж, 1937. С. 49.

[17] Булгаков Сергей, прот. Радость креста // Вестник РСХД. 1931. № 2. С. 8.

[18] См.: Гаккель Сергей, прот. Мать Мария. С. 80.

[19] Булгаков Сергей, прот. О чудесах евангельских. Paris: YMCA-Press, 1932. С. 3

[20] См.: Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни (под общ. ред. Л.А. Мнухина): В 4 т. Т. 3. М., 1996. С. 247. Конспект записи опублик. в ж-ле «Новый Град» (1936. № 1. С. 153–154).

[21] Архив матери Марии. На хранении у Е.Д. Клепининой-Аржаковской (Париж).

[22] Архив о. Сергия Булгакова (Свято-Сергиевский Богословский институт, Париж).

[23] Протоколы семинаров о. Сергия Булгакова о христианском аскетизме и православной культуре опублик.: Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000. С. 147–165.

[24] Мать Мария. Объединение «Православное Дело» // Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки: В 2 т. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1992. С. 250.

[25] Там же.

[26] «Евхаристия и социальные проблемы современного общества». Эта работа, опубликованная в «The Journal of the Fellowship of Saint Alans and Saint Sergius» (1933, № 21), здесь цитируется по русскому машинописному авторизованному тексту (Архив о. Сергия Булгакова, Свято-Сергиевский Богословский институт, Париж. Л. 1, 10, 21).

[27] Мать Мария. Типы религиозной жизни // Вестник РХД. 1997. № 176. С. 48.

[28] Булгаков Сергей, прот. Евхаристия и социальные проблемы... С. 18.

[29] Мать Мария. Типы религиозной жизни. С. 48–49.

[30] Архив матери Марии (неопубл.).

[31] Булгаков Сергей, прот. Радость церковная. Слова и поучения. Предисловие. Париж, 1938. С. 3.

[32] Милютин Т.П. Воспоминания (машиноп., арх.).

[33] Вестник РСХД. 1929. № 3. С. 2–4.

[34] Страстное Благовещение // Булгаков Сергей, прот. Слова. Поучения. Беседы. Париж: YMCA-Press, 1987. С. 217, 220.

[35] Сестра Иоанна Рейтлингер. Автобиография (Постриг) // Вестник РХД. 1990. № 159. С. 97.

[36] Булгаков Сергей, прот. Слова. Поучения. Беседы. С. 120.

[37] См. свидетельство сестры Иоанны Рейтлингер и воспроизведение прориси в: Вестник РХД. 1992. № 166. С. 279 (публ. А.Н. Шустова).

[38] О создании этой вышивки см.: Клепинина-Аржаковская Е.Д. В поисках последней вышивки матери Марии Скобцовой // Русская мысль. 1998. № 4230. 9–15 июля.

[39] Мать Мария. О подражании Богоматери // Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 100–101.

[40] Булгаков Сергей, прот. Крестность жизни (40-е гг.) // Булгаков Сергей, прот. Слова, поучения, проповеди... С. 40.

[41] Булгаков Сергей, прот. Размышления о войне (машиноп.). Архив о. Сергия Булгакова (Свято-Сергиевский Богословский институт, Париж). Л. 76–77.

[42] Булгаков Сергей, прот. В дыму (машиноп.). Архив о. Сергия Булгакова (Свято-Сергиевский Богословский институт, Париж). Л. 79.

[43] Там же.

[44] Мать Мария. Прозрение в войне // Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. С. 145–148.

[45] Со слов К.В. Мочульского, запись, сделанная в июле 1936 г. (Мочульский К.В. Монахиня Мария (Скобцова). С. 70.). «И я вместила много; трижды, — мать, — / Рождала в жизнь — и дважды в смерть рождала / А хоронить детей, как умирать...» — напишет впоследствии ММ в поэме «Духов День» (Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. С. 23). Эта поэма, отмеченная датой (25 мая 1942 г.) написана в один день с проповедью о. Сергия, «В день Духа Святого» который, в эти годы уже не имея возможности произносить свои проповеди, раздавал их в виде машинописных листов кругу друзей, присутствовавших на его ранних литургиях на Подворье.

[46] Булгаков Сергей, прот. Моя болезнь. С. 139.

[47] «День моего рукоположения был для меня радостным, как, кажется, никогда раньше... Друзья мои переполнили дом мой собой и цветами...» (запись о Духовом дне 1939 г.) (Там же. С. 147).

[48] Архив о. Сергия Булгакова (Свято-Сергиевский Богословский институт, Париж).

[49] Пиленко С.Б. Воспоминания (рукоп., арх.).